

Місс
Калібани
Рейчел
Інгліз

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
И59

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Ingalls Rachel
MRS. CALIBAN

© 1938 by Rachel Ingalls

Copyright © 1938 by Rachel Ingalls

This edition is published by arrangement with Sheil Land
Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Cover design by *Erik Carter*, 2017

Инглз, Рейчел.

И59 Миссис Калибан / Рейчел Инглз ; [перевод с английского М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 224 с.

ISBN 978-5-04-113030-5

В тихом пригороде Дороти делает домашние дела, ждет, когда муж вернется с работы, и меньше всего ожидает, что в ее жизни появится любовь, когда вдруг слышит по радио странное объявление: из Института океанографии сбежал монстр...

Критики сравнивали «Миссис Калибан» с шедеврами кино, классическими литературными произведениями, сказками и хоррорами.

Этот небольшой роман — потрясающий, ни на что не похожий, и такое разнообразие аллюзий — лишнее тому доказательство.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Немцов М., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113030-5

Ривка Галчен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поскольку может существовать еще и такой мир, в котором явление у вас в кухне земноводного размером с человека покажется чем-то хорошим. Дороти, главная героиня «Миссис Калибан» Рейчел Инглз, занята тем, что в последнюю минуту готовит что-то мужу и его идеально названному деловому коллеге Арту Груберу, — и тут знакомится с земноводным: «И полпути прошла по клетчатому линолеуму, каким застелен пол ее славной безопасной кухни, когда открылась сетчатая дверь и в дом ввалилась гигантская тварь, похожая на лягушку ростом шесть футов семь дюймов, и неподвижно замерла перед нею, чуть пригнувшись и вперившись ей прямо в лицо». Он хотя бы на нее смотрит. Зовут его, оказыва-

ется, Ларри. Он привлекателен — по-своему; милуюсь с ним, Дороти вспоминает собственные грезы о подростковых романах, какие с нею так и не случились.

Дороти знакомится с Ларри в непростое время. Сын ее не так давно умер от «обычного наркоза, какой дают перед простым удалением аппендикса, и после объяснить ей это могли только «индивидуальной реакцией», «непредвиденной аллергией» и «лекарственной непереносимостью». Через несколько месяцев у Дороти прервалась беременность; семейная жизнь пошла наперекосяк; когда у нее завязалась тесная дружба с джек-рассел-терьером, которого она назвала Бинго, песика сбила машина, не успел он и подрасти как следует. Все это происходит до начала романа. За кулисами таятся дальнейшие предательства и внезапные кончины, а несчастья Дороти громоздятся одно на другое, словно у современного Иова.

И все же Инглз повествует обо всех этих катастрофах с теми бойкостью и

интонацией «кривая вывезет», которые заставляют вспомнить Барбару Пим или Ивлина Во¹. Взгляд на мир (Бинго!) у Инглз трагикомичен — не трагичен; и таков же он у Дороти. Она рассказывает Ларри о девочке, с которой когда-то была знакома: «Ее украла обезьяна, когда она была совсем крошкой. Дура какая-то. То для нее оказался единственный драматический миг, но она была слишком мала, чтоб его оценить». Это вот празднично злобное «дура какая-то» — идеальное комическое дополнение нелепой опасности и беспомощности младенца в объятиях обезьяны, — но это вдобавок эмоционально рифмуется с теми детьми, кого грубая судьба отняла у Дороти.

В другом разговоре подруга Дороти шутит, что камеры наблюдения в продук-

¹ Барбара Мэри Крэмpton Пим (1913–1980) — британская романистка, знаменитая своей серией социальных комедий 1950-х годов. Артур Ивлин Сент-Джон Во (1903–1966) — британский романист, тонкий стилист и сатирик. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

товых магазинах — вроде «осуществившейся пресвитерианской мечты — ну, знаешь, Бог все видит, Он следит за тобой, где б ты ни была и что бы ни делала». В ответ Дороти говорит: «Спорим, на самом деле он вышел на кухню за пивом из холодильника». Это шуточная болтовня, но с убеждением. То, что интерес Господа Бога на что-то отвлекся, может быть ужасно — или же облегчением — в зависимости от того, Ариэль вы или Калибан. В вымышленных мирах Инглз кошмарное случается регулярно; там есть пророчества, преобразования и почти всегда — насилие. В «Миссис Калибан», повести некрупной и часто бодрой по тону, счет смертей — под стать вестерну. Инглз говорит, что самые главные литературные идолы для нее — Шекспир, Еврипид и Ибсен. Ну да.

Зачастую, если в истории присутствует нечто странное, вроде высокого зеленого мужчины, похожего на лягушку, это нечто возникает первым делом, чтобы задать правила вымышленного мира. Но в «Мис-

сис Калибан» Ларри появляется, когда мы уже глубоко вчитались в повесть. Правила этого мира задаются не фантастическим, а заурядным: «Фред [муж Дороти] забыл три вещи подряд, не успев дойти до двери, чтобы ехать на работу». Забывчивость — ритуальное поведение Фреда перед тем, как врать о том, что ему нужно задержаться на работе. Дороти знает, что Фред лжет и неверен ей. Ритуальная забывчивость Фреда ощущается как некая сокровенная внутренняя машина за работой, как бессознательное на винтиках. После его ухода она заправляет постель, пылесосит, умывается и одевается, моет посуду и слушает радио. Делая свою ежедневную гимнастику, она выполняет «танцевальные упражнения, а не те, какие нужно, лишь для того, чтобы поддерживать себя в форме».

Рутинa — лишь одно из множества заклинаний машинального в «Миссис Калибан». При походе в продуктовый магазин молодые женщины, раздающие образчики сыра, описаны как безжизненные марионетки; рассказывая историю о

крошке, похищенной обезьяной, Дороти отмечает, что юные обезьянки машинально вцепляются в материну шерсть, чтобы не упасть. Иногда машинальное омертвляет, а иногда — спасает жизнь. В произведениях Инглз машинальное — не обязательно, когда меньше всего суть мы сами, оно возникает, когда власть захватывает сокрытая часть нас; «машинально» оно в том смысле, что Эдип рано или поздно переспит с собственной матерью — так же неизбежно, как пробьют заведенные часы. Когда характер есть судьба, машинальное — глубинная фабула.

Смотрите, как Дороти перед самым явлением Ларри уподоблена часам:

Она выскочила в гостиную... и заскочила обратно с такой прытью, что могла бы оказаться каким-нибудь механическим метеорологом в детском снежном шарике или фигуркой на средневековых часах, которая проскакивает по нижнему балкону, пока циферблат показывает стрелками час.

Это машинальное мгновение — она принимается нарезать морковь и сельдерей, раскладывает по вазочкам чипсы и орехи — пребывания как бы на автопилоте, когда сознание у нее пригашено, оказывается не просто пресловутой тупостью домохозяйки, но и необходимым условием для ее великого виденья: Ларри. Ларри одновременно силен и привлекателен, но к тому же он — как дитя, кому нужно, чтобы она его защищала, любила и обучала. Он обожает авокадо, и ему нужно помочь с пониманием рекламы, какую он видит по телевизору.

Если посмотреть с одной стороны, явление Ларри на кухне у Дороти — не удивительно; Дороти слышала по радио о некоем существе по кличке Чудовище Акварий, которое сбежало из Института океанографических исследований, убив при этом охранника и ученого. Но, с другой стороны, она много чего в последнее время по радио слышала. Например, чуть раньше под конец рекламы сухой смеси для кексов радио сказало: «Не волнуйся, Дороти, будет у тебя еще один ребенок...

Гарантию даю». Еще она слышала историю «о курице, которая умела играть на скрипке, — "Хейфеце курятников"»¹, как звали эту птицу, — а потом через знакомых выяснила, что эту передачу не слышали другие, кто, очевидно, настраивался по шкале на ту же волну. Но Дороти не просто (неинтересно) чокнутая. Радио ее — «крупный темно-коричневый старомодный приемник — из тех, что похожи на готический собор 1930-х годов». У Дороти могучее воображение, но оно же и послушно ей. Известие о Ларри приходит посредством чего-то, напоминающего религиозную среду, но в действительности оно — проводник очень всамделишных (пусть и незримых) волн, какими наполнено пространство вокруг нас.

Рейчел Инглз попадает в ту категорию писателей, кто знаменит своей нечрезмерной знаменитостью, пусть они и

¹ Яша Хейфец (Иосиф Рувимович Хейфец, 1901–1987) — американский скрипач еврейского происхождения, считается одним из величайших скрипачей XX века.

эдак прославлены своим таинственным недостатком славы. Леонора Кэррингтон, Джейн Боулз¹, Барбара Пим — все это писательницы, отмеченные критикой и ценимые другими писателями, и я ловила себя на том, что читаю их всех в книгах, выпущенных в сериях вроде «Непереиздаваемые шедевры» или «Забытая классика». Рейчел Хоумз Инглз родилась в Кембридже в 1940 году, степень бакалавра гуманитарных наук получила в Рэдклиффе², а вскоре после этого переехала в Англию, где жила ее двоюродная бабушка. Первая книга Инглз «Кража» (*Theft*, 1970) получила какую-то премию,

¹ Дама Леонора Кэррингтон (1917–2011) — британско-мексиканская художница-сюрреалистка и романистка. Джейн Боулз (Джейн Сидни Ауэр, 1917–1973) — американская писательница, жена американского композитора, писателя и переводчика Пола Боулза.

² Колледж Рэдклифф (1879–1999) — женский гуманитарный колледж в Кембридже, Массачусетс, аналог мужского колледжа Гарвард.

но к середине 1980-х годов она уже написала несколько книг, которые разошлись, по отчетам ее редактора, каждая в количестве 200 экземпляров. («Единственные настоящие деньги, что я зарабатывала, поступали из Голливуда», — говорила Инглз¹.) В своей долгой писательской жизни она предпочитала почти не заниматься саморекламой, не выступала с чтениями, не давала интервью — но все это просто потому, что чувствовала, что это не ее, а не из какого бы то ни было принципа.

Затем в 1986 году «Миссис Калибан», тихонько опубликованную в 1982 году, Британский совет книжного маркетинга назвал «одним из 20 величайших американских романов», написанных живущими писателями после Второй мировой войны. (Инглз была в этом списке един-

¹ Говоря строго, экранизированы были всего два ее рассказа, а один послужил источником вдохновения для сюжетной линии в фильме Уэйна Вана «Китайская шкатулка» (Chinese Box, 1997).

ственной женщиной; Мэри Маккарти¹ заявила для прессы, что список этот совсем дурацкий, потому что в нем нет Набокова, пусть Набоков уже и умер.) Последовал краткий расцвет славы и продаж, после чего ее произведения опять стали не слишком известны. Даже писателей спросите о ней — и чуть ли не все ответят, что никогда о ней не слыхали, а кое-кто наверняка скажет: постойте, а это не она написала книжки про «Домик в прерии»?² Раньше и я, к своему стыду, была одной из таких. А потом наткнулась на нее машинально — в каком-то списке! — и стала, как другие ее читатели, беззащитно почтительной, будто меня пронзило стрелой Купидона.

¹ Мэри Терез Маккарти (1912–1989) — американская романистка, критик и политическая активистка.

² «Little House on the Prairie» (1932–1943, 1971) — серия из девяти романов для детей о жизни на американском Среднем Западе в 1870–1894 годах, написанных Лорой Элизабет Инглз Уайлдер (1867–1957).